

МОТИВ ВОСПОМИНАНИЯ В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ О ДЕТСТВЕ

Выборнова К. А.

Литературный институт имени А. М. Горького

В данной статье рассмотрен мотив воспоминания в мемуарной прозе о детстве (на примере произведения А. А. Фета «Ранние годы моей жизни»). Мотив воспоминания играет в мемуарной прозе важнейшую роль. Это напрямую связано со спецификой жанра, в основе которого лежит документальность. В понимании термина «мотив» мы опираемся на определения А.Н. Веселовского и Б.В. Томашевского. В «Ранних годах...» А. Фета просматривается воздействие мотива воспоминания на композицию. События выстраиваются в том порядке, в каком они «приходят в голову» автору. В итоге читатель наблюдает постепенное развитие разума человека от ребенка до взрослого рассказчика. В описании периода раннего детства героя выделяется вид мотива воспоминаний, мотив «пятна»: картинки, неожиданно всплывающей в памяти. «Пятнами» выступают из памяти ребенка его родственники, некоторые события. Мотив воспоминаний также определяет манеру подачи материала. События даются не в том ракурсе, который привычен для взрослого человека: смерть близких может быть лишь упомянута вскользь, в то время как бытовые переживания описаны очень подробно. Еще одним важным видом мотива воспоминаний является мотив зарождения творчества. Некоторые эпизоды, факты, сам подбор материала постоянно напоминают читателю, что ему рассказывается о жизни не обычного человека, а будущего поэта. Следующая форма воспоминаний - семейные «байки», которые отделены от общего повествования, имеют завязку, кульминацию и развязку. Частным случаем этого мотива у Фета является так называемый «мотив богатырей». Это рассказы о людях, обладающих типичными сказочно-мифологическими свойствами, такими как, например, удивительная сила, здоровье и долголетие. Таким образом, можно сделать вывод, что воспоминания в мемуарной прозе являются основой композиции и сюжета. Мотив воспоминания, проявляясь в разных формах, во многом определяет стиль мемуарного произведения.

Ключевые слова: русская литература, мемуарная проза, воспоминания, мотив, образ детства, А.А. Фет

MOTIF OF RECOLLECTION OF RUSSIAN MEMOIR PROSE ABOUT CHILDHOOD

Vybornova K.A.

Literary Institute named by A. M. Gorky

This article focuses on the motif of recollection in Russian memoir prose about childhood (a case study of "The early years of my life" by A. A. Fet). The motif of recollection plays the most significant role in memoir prose. That is directly connected with the specifics of the genre, the characteristic feature of which is documentary narrative. Our understanding of the term "motif" relies on Veselovsky and Tomashevsky's definitions. "The early years of my life" by A. A. Fet witnesses the impact of the recollection motif on the plot. The author presents the events in accordance with his own recollections. As a result, the reader may observe the gradual development of the human mind from a child to an adult narrator. In the description of the main character's early childhood we highlight a special type of the recollection motif, the motif of "spots": images, suddenly pop up in his memory. Relatives, some events are "spots" in the child's memory. The recollection motif also determines the manner of presenting the material. The events are presented not in the way an adult usually does this. The character can mention the death of loved ones only in passing, but he describes everyday stuff in more details. Another important type is the so-called motif of "emergence of creativity". Some episodes, facts, the very manner of presenting the material constantly remind the reader that the work is not about the life of an ordinary man but a poet. Memories of another kind - family "stories" - separate from the general narrative and have their own introduction, culmination and conclusion. A special type of this motif is the so-called motif of "bogatyrs". These are stories about people who have typical mythological features, such as, for example, an amazing strength, health and longevity. To conclude we should point out that recollections in memoir prose are in fact the basis for the plot and composition. The recollection motif, as well as its various types, define the style of memoirs to a large extent.

Keywords: Russian literature, memoir prose, recollections, motif, image of childhood, A.A. Fet

В данной статье будет рассмотрен мотив воспоминания в мемуарной прозе о детстве (на примере произведения А.А. Фета «Ранние годы моей жизни»). Мотив воспоминания

играет в мемуарной прозе важнейшую роль, что напрямую связано со спецификой данного литературного жанра, в основе которого лежит документальность. В понимании термина «мотив» мы опираемся на определение А.Н. Веселовского: «под мотивом я разумею формулу, отвечающую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закрепляющую особенно яркие, казавшиеся особенно важными или повторявшиеся впечатления действительности. Признак мотива – его образный одночленный схематизм...» [2]. Также необходимо вспомнить определение Б.В. Томашевского, который выделял мотивы свободные и связанные, а также статические и динамические: «Мотивы неисключаемые называются *связанными*; мотивы, которые можно устранять, не нарушая цельности причинно-временного хода событий, являются *свободными*... Мотивы, изменяющие ситуацию, являются *динамическими* мотивами, мотивы же, не меняющие ситуации, – *статическими* мотивами» [10]. Мотив воспоминания интересен с этих точек зрения тем, что он при относительной четкости и легкости вычленения многообразен по форме выражения и по воздействию на фабулу и сюжет. В особенности сильно это проявляется именно в тех разделах мемуарной прозы, где речь идет о детстве героя. По словам А.Н. Соколова, «Чаще всего в художественной структуре литературного произведения различают четыре основных элемента: 1) идейно-тематический строй, 2) образную систему, 3) композиционную связь и динамику структурных частей (иногда включают сюда и развитие сюжета), 4) законы речевых соотношений, сцеплений и выражений» [9]. Мотив воспоминания в мемуарной прозе оказывает на все указанные элементы значительное влияние.

В «Ранних годах...» А. Фета с самого начала просматривается воздействие мотива воспоминания на композицию. Это можно назвать «обманчивой хаотичностью»: композиция произведения имитирует процесс «вспоминания» событий давних лет, и эти события выстраиваются в том порядке, в каком они «приходят в голову» автору. В итоге читатель наблюдает постепенное развитие разума человека от почти ничего не сознающего «младенца» до взрослого рассказчика, поэта.

Произведение начинается с воспоминаний очень маленького ребенка, соответственно, в начале повествование отличается большой отрывочностью. Это не цельная текстовая ткань, а череда эпизодов, «всплывающих» в памяти героя. С точки зрения хронологии присутствуют большие временные лакуны, а также перемещение «вперед-назад» по временной линии в зависимости от ассоциаций с тем или иным событием.

В описании периода раннего детства героя можно четко выделить частный случай общего мотива воспоминаний, а именно, мотив «пятна», картинка, неожиданно всплывающей в памяти (по Томашевскому это мотив связанный и динамический, поскольку

именно он определяет сюжет). Для «пятен» характерна «немотивированность»: по крайней мере, для взрослого рассказчика является непонятным, почему его детская память сохранила именно этот эпизод, а не какой-либо другой. «Ранние годы моей жизни» Фета начинаются именно таким «пятном»: описывается встреча мальчика, еще почти младенца, с его дядей Эрнстом Карловичем: «Как бы педагоги и физиологи ни отнеслись к словам моим, я буду настойчиво утверждать: первым впечатлением, сохранившимся в моей памяти, было, что кудрявый, темно-русый мужчина, в светло-синем халате на черном калмыцком меху, подбрасывает меня под потолок, и мне было более страшно, чем приятно. Самые черты лица этого человека твердо врезались мне в память, так что я узнал его двадцать лет спустя, хотя в течение всего этого времени не видал даже его портрета. ...Такое светлое пятно на непроницаемом мраке памяти моей в данное время почти невероятно, так как мне не могло быть более 1 1/2 года от роду» [11]. Данный эпизод можно определить как «первичное событие» – элемент, присущий жанру автобиографической прозы [5].

Мотив воспоминания в отрывке выражен со всей определенностью, что видно по подбору речевых средств. Это словесные ряды, относящиеся к памяти (само это слово повторяется на небольшом отрывке много раз): «светлое пятно», «непроницаемый мрак *памяти*», «врезались в *память*», «сохранившимся в моей *памяти*». Достоверности отрывку придает описание внешности дяди, также отрывочное, однако с неожиданными подробными деталями вроде «светло-синего халата на черном калмыцком меху». Из-за этого создается ощущение взгляда с точки зрения ребенка, которому хорошо видны отдельные мелкие детали, однако он часто не может охватить весь образ человека в целом.

При дальнейшем описании окружения героя мотив «пятна» продолжает встречаться с большой регулярностью. «Пятнами» выступают из памяти ребенка его родственники, в частности, братья и сестры (и снова повторяются слова «пятно», «мрак памяти», «помню»): «В этот период ребяческая *память* сохранила несколько совершенно ясных *пятен* (курсив наш – К.В.). Так я помню прелестную девочку, сестру Анюту, годом моложе меня, и худощавого, болезненного мальчика, брата Васю...» [11].

Критерии отбора воспоминаний также создает рассказчик-ребенок. Например, секретаря отца Фета, Бориса Антоновича Овсянникова, герой запоминает потому, что «...часто последний обращался ко мне, обещая сделать... беговые санки, и впоследствии я не мог видеть Бориса Антоновича без того, чтобы не спросить: "Скоро ли будут готовы санки?" ...Явно, что санки существовали только на словах» [11].

Здесь существующие «только на словах» санки, важные, однако, для ребенка, стали причиной того, что не слишком значимый человек удержался в его памяти, и, таким образом, весь эпизод был включен в произведение.

По мере взросления рассказчика мотив «пятна» отходит на второй план, изложение становится подробнее, без резких временных скачков, чаще появляются описания, преимущественно поданные с точки зрения рассказчика-взрослого. Рассказчик даже обозначает границу перехода к более стройному изложению: «Помню себя снова на Новоселках, и с тех пор воспоминания мои проясняются до непрерывности» [11].

Однако мотив воспоминаний продолжает играть свою роль в подборе материала. Описываемые события и эпизоды подаются не в том ракурсе, который привычен для взрослого человека. Например, такие глобальные события, как смерти близких, могут быть лишь упомянуты вскользь, в то время как бытовые переживания описаны очень подробно. Смерть брата Фета, например, не описывается вовсе, потому что не удерживается в его детской памяти: «Не помню обстоятельств смерти бедного брата Васи...» [11]. Смерть и умирание, пока речь идет о малом возрасте героя, везде тесно связывается в тексте с недопониманием и (или) недоумением. Даже само слово «похороны», очень смутное и непонятное для него, ребенок трактует, используя «народную этимологию»: «Помню, что около меня часто повторялась слова: "царские похороны", но помню, что долго, и впоследствии слово "похороны" связывалось в моем воображении с чем-то, начинающимся со звука «пох», вроде немецкого rochen – бухать» [11].

Оригинальны причины запоминания и других знаменательных событий – например, свадьбы, на которой побывал маленький Афанасий: «На свадебном обеде мать моя была одною из почетнейших гостей, но мне лично живо помнится этот обед потому, что в ряду тесно сдвинутых стульев пришлось сидеть между большими, и очень хотелось полакомиться прекрасно зарумяненными дупелями; но так как локтей поднять было невозможно, то у меня не хватило силы резать жаркое, и я напрасно щипал вилкой небольшие пряди мяса, которые удавалось оторвать» [11].

Здесь автор и сам обращает внимание читателя на необычный ракурс восприятия действительности маленьким героем. Через весь отрывок проходит мотив неудобства, дискомфорта. Это и «тесно сдвинутые стулья», на которых мальчику «*пришлось* сидеть между большими» (употребление слова «большие» вместо «взрослые» подчеркивает то, что в данный момент речь ведется с точки зрения рассказчика-ребенка), «напрасно щипал вилкой», «удавалось оторвать», «невозможно поднять локтей». Кроме этого присутствует мотив сожаления, глубину которого подчеркивает сильно эмоционально окрашенное описание пищи: «прекрасно зарумяненные дупеля», которыми мальчик хочет «полакомиться». Поскольку для маленьких детей вкусовые и тактильные ощущения являются крайне важными (ср. в воспоминаниях Аксакова «холодные густые сливки с черным хлебом» и описания прочих яств, которыми угощали детей) [2], то неудивительно,

что воспоминания о свадьбе сохранились у рассказчика так надолго и именно в таком ракурсе.

Детское восприятие героя в большой степени определяет эмоциональность текста. К примеру, после эмоционально достаточно «холодных» воспоминаний о смертях родственников героя следует эпизод, который буквально пронизывает мотив страха, хотя описываются обыкновенные (с точки зрения взрослого, конечно) детские игрушки: «У Борисовых детей были игрушки, которых я ужасно боялся. Это было собрание самых безобразных и страшных масок, с горбатыми красными носами и оскаленными зубами. Страшнее всего для меня были черные эфиопы с бровями из заячьего пуху. Хотя я и видел с изнанки простую бумагу, но стоило кому-нибудь надеть эфиопа, и я убежал, подымая ужасный крик» [11].

Можно заметить, какое множество негативно окрашенных прилагательных присутствует в этом небольшом по объему отрывке: «безобразных», «страшных», «ужасный», «горбатыми красными (носами)», «оскаленными (зубами)». Четко выражен словесный ряд, обозначающий страх, панику: «я ужасно боялся», «убегал, подымая ужасный крик»... То, что даже маленький ребенок понимал, что пугающие маски – всего лишь игрушки, не помешали ему сохранить этот, казалось бы, малозначительный эпизод, а, главное, наполняющую его атмосферу некоего иррационального ужаса, в памяти на долгие годы.

Еще одним важным «подвидом» мотива воспоминаний является так называемый «мотив зарождения творчества»: этот связанный динамический мотив обязательно присутствует в той или иной форме в воспоминаниях творческих людей, и в «Ранних годах...» также. Некоторые вставные эпизоды, факты, сам подбор материала постоянно напоминают читателю, что ему рассказывается о жизни не обычного человека, а будущего поэта. Рассказчиком всячески подчеркивается, что ребенок уже с ранних лет глубоко воспринимает искусство, поэтому при проявлении мотива зарождения творчества часто повышается эмоциональность изложения, появляется больше «возвышенных» выражений, таких слов, как «волнение», «восторг», «трепет» и т. д. Именно так эмоционально рассказчик в «Ранних годах...» описывает свои первые стихотворные переводы, которые делал, не умея еще толком писать: «...по ночам, проснувшись, я томился сладостною попыткой перевести немецкую басню на русский язык. Вот наконец после долгих усилий русские стихи заменяют немецкие... Когда мною окончательно овладевал восторг побежденных трудностей, я вскакивал с постели и босиком бежал к матери [11]...»

Мотив «восторга от творчества» проходит через весь фрагмент: эмоциональные и «высокого штиля» словосочетания, такие как «томился сладостною попыткой», «восторг

побежденных трудностей» сочетаются с глаголами, обозначающими резкое быстрое действие – «вскакивал» и «бежал» (босиком), – что довершает картину восторга и нетерпения героя.

Следующей важной формой реализации общего мотива воспоминаний является воспоминание о семейных преданиях или «байках». Семейные «байки», которые можно отнести к свободным статическим мотивам, с одной стороны, придают большую достоверность и реалистичность повествованию, но с другой – способствуют определенной ретардации, ослаблению собственно повествовательной линии, иными словами, можно говорить о явлении *лиризации* повествования (подробно об этом явлении см. в дисс. Игониной Н. А., «Способы лиризации в малых жанрах русской классической прозы» [4]). В «Ранних годах...» это небольшие эпизоды, рассказывающие о случаях, произошедших с рассказчиком или его родными. Они стилистически отграничены от общего повествования, имеют завязку, кульминацию и развязку, а также некую небольшую интригу. Семейные предания излагаются не от имени какого-либо конкретного рассказчика, а как бы от лица всего рода, всей его семьи (некоторые из них вообще происходят до рождения героя). Часть «баек» имеет форму анекдотов, основанных на игре слов, а часть – небольших вставных новелл, например: «Однажды, лежа в кроватке в зимнюю, лунную ночь, я услышал, как из гостиной тихо отворилась дверь в классную, и... тотчас же узнал голос буфетчика Павла Тимофеевича.

– Мартыныч! А Мартыныч! Ты спишь?

– А? Что такое, братец ты мой?

– Вставай, иди в людскую! Оказия, братец ты мой! Холеру поймали! ...У колодца поймали; пузырьки на ней нашли, что яд-то народу подливает.

Старая такая, худощавая, страсть поглядеть! Сидит, крестится и чудно как-то говорит: "Я восточная"» [11].

Весь приведенный эпизод имеет множество признаков лиризации. Это и «сказочный» зачин («однажды»), с эпитетами и выражениями, приносящими оттенок таинственности и жутковатости в описание («зимняя, лунная ночь», «тихо отворилась дверь»), и разговоры слуг, в которых преобладает обратный порядок слов, характерный для народных сказок: «у колодца поймали», «пузырьки на ней нашли» (вместо «поймали у колодца», «нашли на ней пузырьки»).

Мотив «баек» проявляется и в виде собственно преданий об удали и находчивости дедов и прадедов героя. Из-за стилистики изложения конкретные люди восходят до абстрактных, сказочных образов, воплощающих мудрость, смелость и т. д. В таких эпизодах «образ, запечатленный в одном слове или одной синтаксической единице... определяет всю

композицию, выступая как его художественный синтез или обобщающий символ [3]». Стиль таких фрагментов отличается как бы нарочитой «затертостью», изложение имеет явственный оттенок сокращенного пересказа, и одновременно фрагмент напоминает сказку или былинку: «Как однажды бросившийся на дедушку задержанный собаками волк сильно поранил ему правую руку, которую тем не менее он в глотку заколол волка кинжалом. Как однажды, когда дедушка, по привычке, лежал в зимней кибитке на пуховиках и под медвежьими одеялами раздетый, проснувшись, громко крикнул: "Малый!"... как лошади испугались этого внезапного крика, и вся тройка подхватила... К счастью, вожжи лежали на головашках, и дедушка, поднявшись в одной сорочке, остановил лошадей, успевших проскакать с четверть версты [11]». Налицо портретирование фольклорного стиля, прежде всего народной сказки [6]. На стилистическом уровне это выражается анафорами («как однажды»... «как однажды»), а на уровне композиционном – «сказочной» фабулой коротеньких рассказов о дедушке, имеющих сюжетные повороты и композиционные приемы, отсылающие к поэтике народных сказок. Здесь дважды реализуется следующая сюжетная схема [8]: 1) Неожиданно наступившая опасность (вдруг бросающийся волк, вдруг понесшие лошади). 2) Избавление от опасности с помощью собственной удали (заколол волка кинжалом, остановил лошадей) и небольшой доли везения (оставшиеся «на головашках» вожжи, подходящее положение руки в пасти у волка, чтобы можно было заколоть его). Все это подчеркивается словесными рядами, такими как «везение» («к счастью», «тем не менее») и «удальство» («поднявшись в одной сорочке остановил», «в глотку заколол кинжалом»).

Частным случаем мотива семейных преданий (и, соответственно, воспоминаний) у Фета является еще один свободный статический мотив, который можно условно назвать «мотивом богатырей». Он реализуется в рассказах о людях, обладающих типичными сказочно-мифологическими свойствами, такими как, например, удивительная сила, сохраняющаяся до глубокой старости, необыкновенное здоровье и долголетие: «Не могу забыть 140-летнего старика Ипата, который, поддерживая левою рукою дрожащую правую, до капли выпивал поднесенный ему стакан. Бывало, сидит он... с густыми, зелеными, как свежая пенька, волосами, на солнышке... и плетет лапоть. Каждый раз, проходя мимо... я испытывал желание заговорить с ним, расспрашивая о Петре Великом, которого он называл "царем батюшкой Петром Алексеевичем", прибавляя: "В ту пору был я еще парень молодой". На вопрос мой: "Ипат, да сколько же тебе лет?" старик постоянно отвечал: "Родился коли – не знаю, крестился коли – не упомню, а умру коли – не ведаю" [11].

Следует обратить внимание на примечательное количество отсылок к сказке и мифу в стилистике отрывка. Старик живет фантастически долго (140 лет), но при этом не потерял здоровья (густые волосы) и обладает сказочной молодецкой удалью (стакан выпивает «до

капли», как все «добрые молодцы» в сказках). То, что он жил еще во времена Петра Великого и называет его «царем-батюшкой», придает образу оттенок легендарности, которую лишь подчеркивает скромное времяпрепровождение: «сидит на солнышке и плетет лапоть» – здесь напрашивается аналогия с Ильей Муромцем, лежащем на печи долгие годы, прежде чем совершить свои подвиги. К тому же, и речи старика – это не обычные слова, а готовые афоризмы, «изречения», символы его мудрости. Конкретный старик превращается в сказочно-мифологический образ, в некую «схему», обобщение, носителя устоев: «этот мир образных обобщений... воспитывал и обзывал целые поколения на их пути к истории [2]».

Как отметила чешская писательница Мария Майерова, «автор обязан четко отделять свои, мелкие переживания, от художественных. И в то же время быть им верен... пережитое необходимо переплавить, сделать общечеловеческим, реальным и вновь достаточно отвлеченным» [11]. По большей части это относится к беллетристике, хотя частично, конечно, применимо и к мемуарной прозе, где обобщения (например, в виде мотива семейных преданий, о котором мы упоминали выше) также присутствуют. Однако отличие состоит в том, что «мелкие переживания» и «детали» (по сути, воспоминания) в мемуарной прозе являются не только материалом, но и основой композиции и сюжета, и с помощью этих деталей достигается так необходимая мемуарной прозе правдивость. То, в каком порядке рассказчик «вспоминает» события своей жизни, обуславливает и композицию произведения, и отбор материала, а также служит «гарантом» достоверности изложенного. Мотив воспоминания, проявляясь в разных своих формах, во многом определяет своеобразие стиля мемуарного произведения.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. – М., 1966. – Т. 2.
2. Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М., 1971.
4. Игонина Н.А. Способы лиризации в малых жанрах русской классической прозы. Дисс... канд. филол. наук. – М., 2011
5. Минералова И.Г. «Первичное событие» в автобиографической прозе о детстве // Мировая словесность для детей и о детях. Вып. 16. – М., 2012
6. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. – М., 1999.
7. Писатели Чехословакии о литературном труде // «Вопросы литературы». – 1963, - № 10.
8. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. – М., 2001.

9. Соколов А.Н. Теория стиля. – М, 1968.
10. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М., 1996.
11. Фет А. А. Воспоминания. – М., 1983.

Рецензенты:

Завгородняя Г. Ю., д.фил.н., доцент кафедры русской классической литературы и славистики
Литературного института имени А. М. Горького, г. Москва.

Васильев С. А., д.фил.н., профессор кафедры русской классической литературы и фольклора
МГПУ, г. Москва.